

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

УДК 323.1

Оригинальное теоретическое исследование

<https://doi.org/10.23947/2414-1143-2024-10-3-14-20>

Имперская модернизационная модель в контексте обеспечения национальной безопасности России

В.А. Ковальчук

Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

✉ vkovalchuk28@mail.ru

Аннотация

Введение. На основе социально-философского анализа исследуется проблема соответствия имперской модернизационной модели потребностям обеспечения национальной безопасности России. Цели и задачи исследования: выявление сущностных характеристик первой модели отечественной модернизации, определение специфики ее детерминации, своеобразия способов и форм реализации, причин элиминации в контексте влияния на обеспечение национальной безопасности России. Актуальность темы определяется необходимостью создания механизмов обеспечения национальной безопасности, релевантных глобальному тренду модернизации.

Материалы и методы. В качестве методов исследования используются: диалектический, исторический, аксиологический, а также общенаучные методы. Вначале были определены особенности имперской модели модернизации, затем выявлены положительные и, далее, отрицательные аспекты этой модели в контексте их влияния на национальную безопасность.

Результаты исследования показывают, что догоняющая модель модернизации, оформившаяся в России в этот период, содействовала окончательному формированию национального государства в статусе державы. Однако такая возможность оборачивалась аксиологическим расколом внутри российской цивилизации, формируя две существующие одновременно и в рамках одного и того же географического ареала субцивилизации – традиционную и модернизационную. Этот раскол создавал нарастающие по мере углубления и расширения модернизационных процессов противоречия, которые к началу XX столетия приобрели антагонистический характер.

Обсуждение и заключение. В качестве вывода фигурирует положение, что разрушение в ходе имперского периода модернизации единения власти и населения в ориентации на трансисторические аксиологические императивы, образующее духовное ядро национально-государственного сообщества; сформировавшееся в начале ее существования и представляющее собой генетический код национально-государственного сообщества делали невозможным формирование, а следовательно, и отстаивание единых, коренных, сущностных, субстанциональных национальных потребностей. Это привело к кризису национально-государственного сообщества. Практическая значимость работы заключается в том, что результаты исследования могут быть применены для разработки различных аспектов Стратегии обеспечения национальной безопасности РФ.

Ключевые слова: модернизация, безопасность, национальная безопасность, угроза национальной безопасности, модель, вестернизация, социально-философский анализ

Для цитирования. Ковальчук В.А. Методологический анализ национальной безопасности как модернизационного феномена. *Научный альманах стран Причерноморья*. 2024;10(3):14–20. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2024-10-3-14-20>

Original Theoretical Research

Imperial Modernization Model in the Context of Ensuring Russia's National Security

Valentina A. Kovalchuk

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Rostov-on-Don, Russian Federation

✉ vkovalchuk28@mail.ru

Abstract

Introduction. The article solves the problem of identifying based on socio-philosophical analysis, the correspondence of the imperial modernization model to the needs of ensuring national security of Russia. The purposes and objectives of the

study are the following: to identify the essential characteristics of the first model of domestic modernization, to determine the specifics of its determination, the originality of methods and forms of implementation, the reasons for elimination in the context of the impact on ensuring Russia's national security. The relevance of the topic is determined by the need to create mechanisms for ensuring national security relevant to the global modernization trend.

Materials and Methods. The following research methods were used: dialectical, historical, axiological, as well as general scientific methods. At first, features of the imperial modernization model were determined, then positive and, further, negative aspects of this model were identified in the context of their impact on national security.

Results. The results of the study show that the catching-up model of modernization that took shape in Russia during this period contributed to the final formation of a nation-state in the status of a power. However, such an opportunity turned into an axiological split within the Russian civilization forming two sub-civilizations existing simultaneously and within the same geographical range – traditional and modernization. This split created growing contradictions which had become antagonistic by the beginning of the 20th century.

Discussion and Conclusion. Destruction during the imperial period of modernization of the unity of power and population in the orientation towards trans-historical axiological imperatives which forms the spiritual core of the national-state community, formed at the beginning of its existence and representing the genetic code of the national-state community, made it impossible to form, and therefore stand for unified, indigenous, essential, substantial national needs. This led to the crisis of the national-state community. The practical significance of the work lies in the fact that the results of the study can be used to develop different aspects of the National Security Strategy of the Russian Federation.

Keywords: modernization, security, national security, threat to national security, model, westernization, socio-philosophical analysis

For citation. Kovalchuk V.A. Imperial Modernization Model in the Context of En-suring Russia's National Security. *Science Almanac of Black Sea Region Countries*. 2024;10(3):14–20. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2024-10-3-14-20>

Введение. Социально-философский анализ исторических особенностей адаптации российского национально-государственного сообщества к модернизационным процессам в мире представляет собой единственную возможность обосновать стратегическое реагирование России на угрозы национальной безопасности, отвечающее условиям обеспечения ее устойчивого развития. Используя в ходе такого анализа исторический метод, мы неизбежно должны признать наличие нескольких моделей модернизационного развития России. Первой такой моделью является модель, которую условно можно именовать «имперской» (конец XVII – начало XX в.). В связи с целью нашего исследования необходимо сначала выявить сущностные характеристики первой модели отечественной модернизации, определить специфику ее детерминации, своеобразие способов и форм реализации, причины элиминации в контексте влияния на обеспечение национальной безопасности России. Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью создания механизмов обеспечения национальной безопасности, релевантных глобальному тренду модернизации.

Материалы и методы. В качестве методов исследования используются: диалектический метод, трактующий отечественную модернизацию как развивающийся феномен, связанный с феноменом национальной безопасности; исторический метод, позволяющий проследить историческую эволюцию этих феноменов; компаративистский метод, позволяющий выявить особенности отечественной модели модернизации; аксиологический метод, выявляющий ценностно-ориентационные аспекты национальной безопасности. В качестве материалов исследования использовались исторические, научные и философские тексты, позволяющие осуществить интерпретацию и осмысление влияния процессов имперской модернизации на национальную безопасность.

Результаты исследования. Российская модернизация имперского периода, несомненно, относится к догоняющему или вторичному типу модернизации. Это означает следующее. Во-первых, модернизация России происходила после первичной, западноевропейской модернизации. Во-вторых, она была ориентирована на реализацию ее образцов. В-третьих, она являлась «неестественной», «неорганичной», то есть предусматривала усвоение чуждых социуму культурных и цивилизационных паттернов. В-четвертых, вследствие этого она проводилась в основном государством, а не обществом, не готовым к ней, не ориентированным на нее, равнодушным или враждебным к ней; основным актором, субъектом модернизации являлось государство, заинтересованное в своем усилении, обеспечить которое в тех условиях могла лишь вестернизация. Это усиление выражалось в стремлении превратить Россию в державу – государство с интересами которого вынуждены считаться другие государства.

Это имело свои положительные и отрицательные последствия. К положительным можно отнести державный статус России. Последний позволил реализовать ее основные геополитические потребности, обеспечив тем самым интересы национальной безопасности. Россия смогла: получить выходы к Балтийскому и Черному морям; воссоединить утраченные земли древнерусского государства, жители которых признавали свою идентичность с населением России; обеспечить безопасность южных границ, присоединив Северный Кавказ и Среднюю Азию; создать сильную армию и флот. К отрицательным последствиям, негативно сказывающимся на потребностях обеспечения национальной безопасности, можно отнести следующие:

Во-первых, модернизация закрепила, в качестве атрибута, отношения между властью и обществом как отношения субъекта и объекта модернизационных преобразований. Это вело к тому, что власть не шла на диалог с обществом. Она предпочитала использовать в отношении с ним такие методы, как приказ, неэквивалентный обмен, насилие, доходящее в отдельные периоды до террора. Население воспринималось лишь в качестве пассивного начала, природного материала, которое необходимо окультурить, облагородить, а отнюдь не как носитель прогрессивных интенций. Петр сравнивал население с детьми, сопротивляющимся родителям в процессе авторитарного воспитания, использующего насилие и принуждение, которое, однако, является для них благодетельным [1, с. 20].

Во-вторых, как следствие невозможности и нежелания приобщать массы к западноевропейским ценностям и институтам, догоняющая модернизация породила культурный и цивилизационный раскол российского общества. В.О. Ключевский определил это раскол как разделение на «почву» (используя соответствующую современную категорию «немодернизированную») и («модернизированную») «цивилизацию». Эти колоссально неравные по численности страты имели прямо противоположные культурные ориентации. К «почве» относилось подавляющее большинство населения – крестьянство, почти весь формирующийся рабочий класс, часть купечества и постепенно складывающейся буржуазии, служители церкви. К «цивилизации» относились дворянство и чиновничество, верхушка купечества и буржуазии, сросшаяся с государственным хозяйственным механизмом, интеллигенция, а также вообще обладатели частной собственности и носители светской культуры. Ценностно и ментально «почва» оставалась в рамках традиционного общества.

Третьей негативной чертой российского варианта догоняющей модернизации является ее несистемный, некомплексный, ограниченный характер. Если две сферы общества, экономическая и духовная, отвечали хотя бы формальным модернизационным показателям – развитию капиталистического уклада в экономике, появлению науки и светского, профессионального образования, то политическая и социальная развивались в прямо противоположных вестернизации направлениях. Политическая эволюция заключалась не в освобождении общества и личности от контроля государства, а в его усилении. Социальная – не в постепенном ослаблении сословного неравенства, а, напротив, в формировании жесткого сословного деления, смысл которого заключался в том, что на разные сословия властью были возложены обязанности реализации различных аспектов модернизации.

Еще одним последствием модернизации было сохранение приниженного положения объектов модернизационных воздействий и привилегированного – его субъектов. В социальном плане к последним можно, несомненно, отнести служащих государственного аппарата и те сословия, которые составляли его непосредственную социальную опору, на интересы которых он в основном ориентировался – дворяне, тесно связанные с казной представители буржуазии, церковь. Неудивительно, что акторы модернизации присвоили себе монопольное право пожирать и ее плоды. Подавляющему большинству населения доставались лишь тяготы колоссального напряжения всех их ресурсов при проведении модернизации.

Наконец, модернизационные процессы, в силу своей принципиальной неорганичности, нуждались в «освоении» подавляющим большинством общества. Поэтому периоды модернизационных «рывков» сменялись периодами «модернизационного спада». Необходимость освоения обществом модернизационных начал требовала крайней умеренности и осторожности в деле проведения преобразований. Требовалось не только постепенность, но и их непрерывность, чего в условиях острого противоборства интересов в расколотом российском обществе и элите достичь было просто.

Надо сказать и о том, что главной угрозой в этот период была агрессия извне. Не вызывает сомнения фундаментальность такой угрозы как внешняя экспансия, поскольку «...в России безопасность формировалась на основе исторически сложившихся и целенаправленно сформированных устойчивых ценностей, установок, убеждений, представлений, моделей поведения, проявляющихся в деятельности субъектов безопасности и обеспечивающих формирование и осуществление условий и факторов, необходимых для защищенности государственного порядка и общественного спокойствия, реализации выбранного народами пути развития, достижения намеченных целей, реализации национальных интересов, исключения агрессии и минимизации видов экспансии на основе допустимой меры насилия и активного ненасилия» [2, с. 13].

Современные аналитики проблемы обоснованно утверждают, что «геополитические основания национально-территориальной безопасности российского государства, в первую очередь, связаны с пространственным расширением его границ и построением евразийской цивилизации» [3, с. 118]. Основной угрозой национальной безопасности являлись другие империи, а не, например, окраинный сепаратизм. Способы ликвидации этой угрозы в прошлом носили вполне определенный характер. А.Г. Арбатов в одной из своих работ выделил четыре внутригосударственных фактора, обеспечивавших национально-территориальную безопасность имперской России. К ним ученый относил: недемократический политический режим (тоталитарный или авторитарный), национализированную экономику, военное могущество и консолидирующую общество легитимную власть [2, с. 34]. Иными словами, негативные черты имперской модернизации были основными гарантами и факторами обеспечения национальной безопасности.

Однако напомним о том, что согласно современным представлениям национальная безопасность представляет собой согласование интересов личности, общества и государства. Интересы – это фундаментальные, коренные,

базовые потребности. В силу этих характеристик они, во-первых, представляют собой цивилизационно-своеобразные аксиологические императивы, а, во-вторых, такие императивы, которые существовали всегда, на протяжении всего периода существования цивилизации.

Необходимо поэтому обратить внимание на ценностные аспекты модернизационного развития России. Ценностную сущность, аксиологическое ядро цивилизации образуют определенные ценностные константы, носящие трансисторический, внетемпоральный характер и в силу этого являющие собой духовную сущность, духовную субстанцию цивилизации того, что в современной социально-политической мысли (например, у Д. Норта) объявляется социальной основой институтов, то есть «неформальных стимулов» и «культурных установок» [5, с. 388]. С нашей точки зрения, эти константы появились в период генезиса России. Вследствие этого они стали ее ценностными атрибутами. Они, сохраняя свое аксиологическое содержание, лишь мимикрировали, адаптировались к меняющимся условиям бытия в процессе исторического (в том числе и модернизационного) развития России, представая в исторически конкретной форме.

К этим ценностным маркерам, несомненно, относится цивилизационное своеобразие России. Россия, восприняв в этом плане ориентацию «Второго Рима», не относится ни к одному из двух основных цивилизационных типов, представляя собой не только государство-цивилизацию, но цивилизацию особенную, цивилизацию, чьи ментальные и ценностные маркеры резко отличаются от западных, сформированных западным вариантом христианства и восточных, основанных в основном на догматах ислама. Нельзя обойти в этой связи вниманием и мессианство, характерное для этой цивилизации. Спасение мира путем приобщения его к истинным ценностям было связано с появлением российского государства в качестве единственного «православного царства», то есть единственного церковно-политического сообщества, предназначенного к спасению. Вследствие этого смысл своего существования оно видело в том, чтобы приобщить к этому спасению остальную «вселенную». Несомненно, к ним же можно отнести и идеократию, характерную для России на всем протяжении ее истории. В сущности она представляла собой синкретизм интересов личности, общества и государства. Истоки ее лежат в победе «иосифлян» над «нестяжателями».

В результате восторжествовала идейная концепция, согласно которой государство обязано реализовывать религиозные идеалы, опираясь при этом на православную церковь и контролируемые ею общество и личность. Идеократия была обусловлена той огромной ролью, которую государство сыграло в рождении нации, свергнув иго Орды, а также невозможностью обрести религиозное спасение вне и помимо православного государства. Чрезвычайно значимой для россиян всегда была и соборность. Она заключалась в признании того, что поиск и достижение истины могут быть лишь общими, что истина как когнитивная основа смысла жизни доступна лишь нации в целом, а не ее интеллектуальной, экономической или политической элите. Во все времена считалось очевидным, что обретение личностью подлинного смысла своего бытия немислимо вне аксиологического единства личности, общества и власти. Ценностным маркером россиян выступает и духовность. Это стремление к духовной трансформации в направлении идеалов, диктуемых высшими сакральными смыслами. «Образцовая» личность россиянина всегда была нацелена, так сказать, не вперед, а вверх, ориентируясь на воздержание во имя достижения традиционно одобряемого идеала.

Но, пожалуй, наиболее значимым ценностным ориентиром для россиян является справедливость. Ярче всего ее стабильность доказывает тысячелетнее бытие общины как социального организма, регулирующего ценностные императивы большинства населения Руси и России. Однако справедливость необходимо трактовать шире социальной уравнительности. Она является интегративной, системообразующей основой российской цивилизации. Прежде всего в силу того, что на протяжении всей отечественной истории существовало колоссальное противоречие между обусловленными мессианским императивом колоссальными по масштабам, по сути нереальными, задачами, стоящими перед нацией и весьма незначительными ресурсами для их реализации. В силу этого (используя терминологию Аристотеля) уравнительная справедливость доминировала над распределительной, а сама эта ценность – над императивами жизни, свободы и благополучия, причем не в форме господства власти над социумом и человеком, поскольку государство, формировавшее экзистенциальные смыслы и саму возможность выживания нации, всеми «рассматривалось как главное национальное достижение и достояние» [6, с. 116], а в форме синкретизма глубинных потребностей человека, социума и государства. Договорная матрица взаимоотношений между личностью, обществом и государством была не характерна для России. Здесь превалировало осознание невозможности раздельной реализации аксиологических феноменов жизни, свободы, счастья и обретения смысла своего бытия во времени.

На Западе – напротив. Правомерным кажется тезис аналитика проблемы о том, что «в контексте историко-культурного бытия российской цивилизации справедливость не является ценностью, подчиненной свободе и счастью личности. Она занимает вершину иерархии ценностей» [7, с. 52]. Именно поэтому «такой аспект понимания и претворения либеральной доктрины является в наибольшей степени релевантным для России с точки зрения универсальных аксиологических констант ее развития и особенностей ментальности ее населения, а потому наиболее адекватным требованиям обеспечения национальной безопасности» [8, с. 242].

В силу этого угроза национальной безопасности исходила из того факта, что в угоду модернизационным ценностям свободы и благополучия дворянства и модернизирующей элиты как субъекта модернизации ценность справедливости, на которую ориентировалось подавляющее большинство, представляющее собой пассивный объект модернизации и аксиологические ориентации которого не учитывались, приносилась в жертву этому субъекту. Начало этому процессу положило постепенное освобождение дворянства от службы государству, начатое уже в эпоху «дворцовых переворотов» преемниками Петра Великого, окончательно проведенное Петром III в 1762 г., юридически оформленное и гарантированное Екатериной II «Жалованной грамотой дворянству» 1785 г. Дворянство прекратило обязательную службу государству. Крестьянство же, основная масса населения, продолжало быть фактическим рабами дворянства. Смысл такого подневольного служения дворянству, не обслуживающего более в обязательном порядке нужды государства, в глазах подавляющего большинства населения утрачивался. Уравнительная справедливость, выражающаяся в религиозной форме лозунгом «земля божья», предполагающим, что источником владения ею является труд (либо земледельческий, либо ратный, либо судебно-административный, в первую очередь на благо государства), провоцировал многочисленные волнения крестьян, наиболее интенсивным выражением которых было восстание под предводительством Е.И. Пугачева (1773–1775 гг.).

Огромный ареал, сравнительно высокая степень организованности восставших и ясности их требований, направленных своим острием против дворянства, наконец, массовая поддержка восставшего казачества населением поволжских помещичьих имений в период, когда, по словам великого поэта, «Пугачев бежал, но бегство его казалось нашествием» – все это говорит о небывалом накале ценностного противостояния «почвы» и «цивилизации». Не случайно именно постепенный рост числа крестьянских бунтов (хотя и не достигших таких масштабов, как крестьянская война) послужил одной из основных причин отмены крепостного права в России Александром II.

Задолго до этого события крепостничество признавалось «пороховой бочкой» под государством [2, с. 480] и «злом, для всех ощутительным и очевидным». Надо отметить, что «Жалованная грамота городам» 1785 г. предоставила определенные свободы и формирующейся городской буржуазии, позволив ей получать и расходовать прибыль по своему усмотрению. Как известно, Екатерина Великая еще ранее отменила государственный заказ и монополии. Она же ввела независимые от администрации суды, положившие начало гарантированию права неприкосновенности личности и собственности, в котором остро нуждались предпринимательские слои населения. Однако освобожденные от непосредственного государственного тягла купечество и мануфактуристы воспринимались как «чуждые» и «чужие» слои населения крестьянством и городскими низами. Они, в условиях все большего своего закрепощения не в государственных, а в частных интересах дворянства и буржуазии, резко отрицательно относились к перестройке традиционной системы ценностей в интересах «подавляющего меньшинства» российского общества. После отмены крепостного права ситуация, конечно, изменилась. Однако крестьяне материально, а в результате введения должностей мировых посредников и, особенно, земских участковых начальников, и формально-юридически, остались в зависимости от местных помещиков-дворян. Но крестьяне не признавали права покушения на свою свободу и благосостояние именно потому, что дворянами, с их точки зрения, нарушалась основополагающая, фундаментальная ценность справедливости.

Подтачивались модернизационными процессами и все остальные маркеры российской цивилизации. Идеократический характер государственной власти и основанный на нем безусловный этатизм таяли по мере того как мессианская функция империи теряла статус безусловной ценности в глазах населения. Православие взяло на себя функцию идеологического оправдания и обоснования чуждой населению модернизационной модели развития. Поэтому религиозное спасение внутри и посредством православного государства, необходимость распространения истинной веры в целях спасения человечества, постепенно перестали являться оправданием абсолютного повиновения государственной власти. Относительная безопасность населения от внешних нашествий в пределах империи в диалектически противоречивой форме стала содействовать утрате веры населения в безусловную ценность государства. Мобилизация ресурсов населения (в форме приказа, неэквивалентного обмена, насилия) потеряла свое оправдание. Модернизационный проект, обеспечивающий конкурентоспособность России и ее державный статус, скроенный по лекалам Запада, оказался чужд «почве» и она перестала его поддерживать, что, соответственно, ставило под угрозу национальную безопасность.

Духовность утрачивала роль регулятора общественной жизни по этой же причине. Православие в силу сращивания с государственной властью стремительно теряло свой авторитет. Функцию ориентиров духовного подвижничества, «маяков» духовного подвига взяли на себя различные антигосударственные и по сути «почвеннические» социальные доктрины социалистического толка – народничество, марксизм, анархо-социализм и т. п. Вначале они парадоксально оставались чужды массам, воспринимавшим эти учения как очередное проявление чуждых им антирелигиозных и антиправославных идеалов. Однако с течением времени под влиянием светских начал и рационализма эта новая форма духовности стала приниматься массами. Но это не укрепляло национальную безопасность, поскольку провоцировало раскол между двумя видами духовности – религиозной и атеистической.

Соборность элиминировалась расколом российского общества на «почву» и «цивилизацию». Цивилизационные противоречия между ними стали бомбой замедленного действия для российской цивилизации, постоянно провоцируя разнообразные конфликты и столкновения. Ценностный раскол был настолько серьезен, что буквально разрывал «аксиологическое тело» России. Разделение народа на привилегированных, материально обеспеченных или работающих на высоких должностях в органах государственной власти людей («бары»), и всех остальных граждан («чумазы», «нищоброды», «никчемные») подрывало основы национальной безопасности, в основе которой лежит единство интересов разнообразных социальных групп.

С течением времени согласование этих интересов становилось осуществлять все труднее и труднее. Нарастающие в результате стремительной дифференциации общества, неизбежно активизирующейся в процессе модернизации; роста империи, катализирующего этническое, культурное, конфессиональное разнообразие, а также усиления неравномерности развития различных регионов социальные противоречия, «накрадываясь на этот главный, глубинный раскол, многократно осложнялись и обострялись» [9, с. 81].

Обсуждение и заключение. Таким образом, период имперской модернизации с точки зрения обеспечения национальной безопасности характеризовался следующими особенностями. Во-первых, догоняющая модель модернизации, оформившаяся в России в этот период, содействовала окончательному формированию национального государства в статусе державы, что означало возможность успешно отстаивать национальные интересы на международной арене в конфликтном противоборстве с другими державами. Во-вторых, с другой стороны, такая возможность оборачивалась аксиологическим расколом внутри российской цивилизации, формируя две существующие одновременно и в рамках одного и того же географического ареала субцивилизации – традиционную (по терминологии В.О. Ключевского «почву») и модернизационную (по терминологии В.О. Ключевского «цивилизацию»).

Этот раскол создавал нарастающие по мере углубления и расширения модернизационных процессов противоречия, которые к началу XX столетия приобрели антагонистический характер, исключающий по сути формирование единых национальных интересов как таковых. Ведь они предполагают ценностное единение национально-государственного сообщества, достижение компромисса по поводу интересов власти, различных общественных групп и личности. Разрушение в ходе имперского периода модернизации единения власти и населения в ориентации на трансгисторические аксиологические императивы, образующее духовное ядро национально-государственного сообщества, сформировавшееся в начале ее существования и представляющее собой генетический код национально-государственного сообщества, делали невозможным такое согласование. Соответственно, они делали невозможным формирование, а следовательно, и отстаивание единых, коренных, сущностных, субстанциональных национальных потребностей. Это привело к кризису национально-государственного сообщества. В 1917 г. этот кризис фактически привел к распаду национально-государственного сообщества.

Список литературы

1. Павленко Н.И. *Полудержавный властелин*. Москва: Политиздат; 1991. 396 с.
2. Руденко Ф.Г. Учет полиэтничности в обеспечении национальной безопасности Российского государства (на примере Башкирии). *Юридическая мысль*. 2010;2:43–45.
3. Аминов И.Р., Сулейманов А.Р. Институционализация национальной безопасности в истории России: внешние и внутренние угрозы. *Правовое государство: теория и практика*. 2014;36(2):111–115.
4. Арбатов А.Г. *Безопасность: российский выбор*. Москва: ЭПИцентр; 1999. 525 с.
5. Максимов В.А. В.Н. Татищев: Прологоны исследовательской программы модернизации России XVIII века (институциональный подход). *Известия Саратовского университета. Сер. Экономика. Управление. Право*. 2021;21(4):373–379.
6. Семенникова Л.И. *Россия в мировом сообществе цивилизаций: учебник для вузов*. Москва: КДУ; 2003. 752 с.
7. Шестаков Ю.А. Справедливость в контексте аксиологической матрицы: российской цивилизации: культурфилософской анализ. *Гуманитарные и социальные науки*. 2016;4:42–52.
8. Шестаков Ю.А. *Аксиология исторического сознания в культуре национальной безопасности*. Науч. ред. Е.Е. Несмеянов. Новочеркасск: Лик; 2021. 298 с.
9. Шестаков Ю.А. *История: учеб. пособие*. Москва; РИОР: ИНФРА-М; 2017. 248 с.

References

1. Pavlenko N.I. *Poludержavnyy vlastelin = Semi-sovereign ruler*. Moscow: Politizdat; 1991. 396 pp. (In Russ.)
2. Rudenko F.G. Uchet polietnichnosti v obespechenii natsionalnoy bezopasnosti Rossiyskogo gosudarstva (na primere Bashkirii) = Accounting for multi-ethnicity in ensuring the national security of the Russian state (on the example of Bashkiria). *Legal thought*. 2010;2:43–45 (In Russ.)
3. Aminov I.R., Suleymanov A.R. Institutsionalizatsiya natsionalnoy bezopasnosti v istorii Rossii: vneshniye i vnutrenniye ugrozy = Institutionalization of national security in the history of Russia: external and internal threats. *Legal state: theory and practice*. 2014;36(2):111–115 (In Russ.)

4. Arbatov A.G. *Bezopasnost: rossiyskiy vybor = Security: Russian choice*. Moscow: EPIcenter; 1999. 525 p. (In Russ.)
5. Maximov V.A., Tatishchev V.N.: Prolegomeny issledovatel'skoy programmy modernizatsii Rossii XVIII veka (institutsionalnyy podkhod) = Prolegomena of the research program-modernization of Russia of the 18th century (institutional approach). *News of Saratov University. Issue. Economics. Management. Right*. 2021;21(4):373–379 (In Russ.)
6. Semennikova L.I. *Rossiia v mirovom soobshchestve tsivilizatsiy: uchebnik dlya vuzov = Russia in the world community of civilizations: a textbook for universities*. Moscow: KDU; 2003. 752 p. (In Russ.)
7. Shestakov Yu.A. Spravedlivost v kontekste aksiologicheskoy matritsy: rossiyskoy tsivilizatsii: kulturfilosofskoy analiz = Justice in the context of the axiological matrix: Russian civilization: cultural and philosophical analysis. *Humanitarian and social sciences*. 2016;4:42–52 (In Russ.)
8. Shestakov Yu.A. *Aksiologiya istoricheskogo soznaniya v kulture natsionalnoy bezopasnosti = Axiology of historical consciousness in the culture of national security*. Scientific. ed. by E.E. Nesmeyanov. Novocherkassk: Lik; 2021. 298 p. (In Russ.)
9. Shestakov Yu.A. *Istoriya: ucheb. posobiye = History: study guide*. Moscow; RIOR: INFRA-M; 2017. 248 p. (In Russ.)

Об авторе:

Ковальчук Валентина Александровна, старший редактор редакционно-издательского отделения научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела, Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации (РФ, 344015, Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83), vkovalchuk28@mail.ru

Поступила в редакцию 19.06.2024

Поступила после рецензирования 09.07.2024

Принята к публикации 12.07.2024

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

About the Author:

Kovalchuk Valentina Aleksandrovna, senior editor, Editorial and Publishing Department of the Research and Editorial and Publishing Department, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, (83, Eremenko Str., Rostov-on-Don, 344015, RF), vkovalchuk28@mail.ru

Received 19.06.2024

Revised 09.07.2024

Accepted 12.07.2024

Conflict of interest statement

The author does not have any conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.